

УДК 94(47).083

А. В. БОГДАНОВИЧ И ЕЕ САЛОН

М. М. ЛЕОНОВ*Самарский
муниципальный
институт управления**e-mail:
mmleonov@gmail.com*

Статья посвящена проблеме адаптации дворянского салона в общественно-политическом климате пореформенной России. Салон А.В. Богданович перешагнул сословные рамки и стал не только площадкой для совместного досуга представителей административной элиты, но и одним из центров кристаллизации общественного мнения.

Ключевые слова: салон, дворянство, протектирование, власть, общественное мнение.

Анне Ивановне Сувориной, жене знаменитого издателя «Нового времени», в тайне от мужа доставили письмо. Оно состояло из нескольких фраз, написанных изящным женским почерком:

«Ради Бога, милая Анна Ивановна, постарайтесь получить сейчас статью Евг. В-ча и прикажите отдать Павлу, а мы так устроим, что будто Алексей Сергеевич сам ее возвратил. Когда я была у Алексея Сергеевича, Вы слышали наш разговор, поэтому обращаюсь к Вам, голубушка, поройтесь на столе, если увидите три листка скрепленные кнопиком – это наша рукопись. Необходимо исполнить просьбу сестры моей.

Сердечно Вас любящая Лидия.

Павлу приказано ожидать»¹.

Столь щекотливая просьба – «поройтесь на столе» у мужа и изъять один из документов – исходила от близкой подруги Анны Ивановны, с которой она часто виделась в салоне Богдановичей. Не было сомнений, что «любящая Лидия» играла в этом деле второстепенную роль. Она лишь исполняла поручение своей родственницы, Александры Викторовны Богданович, дамы проницательной и цепкой, но в то же время осторожной, предпочитавшей действовать чужими руками. Письмо недвусмысленно подтверждало причастность А.В. Богданович к этой операции: «необходимо исполнить просьбу сестры моей». Речь шла о возвращении рукописи Евгения Васильевича Богдановича. Этот пожилой генерал своей карьерой и успехами на ниве печатной пропаганды самодержавия был во многом обязан жене. Александра Викторовна тонко чувствовала конъюнктуру и знала, кого пригласить на обед, где найти деньги на публикацию очередной брошюры мужа и в какой газете поместить его патристическую речь. Если для пользы дела, как в данном случае, требовалось пуститься на хитрость, Александра Викторовна была в состоянии сделать решительный шаг, обойти издателя и ввести в заблуждение супруга.

Салон Богдановичей считался одним из наиболее влиятельных в столице, и в то же время обладал достаточно хорошей репутацией, чтобы общественные деятели могли приезжать на обед с женами. Чета Сувориных нередко навещала этот дом. Александра Викторовна и помогавшая ей Лидия старались, чтобы гости чувствовали себя уютно и не скучали, пока их мужья беседовали о политике и о служебных делах. Хозяйка охотно общалась в женском кругу: дамы были, как правило, прекрасно осведомлены о мыслях и делах своих мужей, об их отношениях с сослуживцами и некоторых их секретах, но не всегда знали цену этим сведениям, и в непринужденной беседе могли поведать то, о чем их спутники предпочли бы умолчать. Кроме того, дружеские связи «по женской линии» позволяли в сложной ситуации обращаться с просьбами, подобными той, что получила Анна Ивановна Суворина.

¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1152. Л. 3. Это письмо сохранилось в собрании писем А.В. Богданович к А.С. Сувориной.

Анне Ивановне было сложно ответить отказом. И без того теплые отношения с Богдановичами периодически подогревались подарками, поступавшими от хозяйки салона: корзинкой вина, индейкой, пудом яблок². Адресованные ей письма не скупилась на выражения приязни: «милая Анна Ивановна», «голубушка», «целую вас крепко», «душевно вас любящая А. Богданович»³. Столь трогательная забота была не совсем бескорыстна, однако просьбы об ответных любезностях, как правило, имели вид пустяков: узнать расположение духа издателя «Нового времени» или представить ему просителя. На этот раз дело было серьезное: Анну Ивановну подбивали на хищение бумаг у собственного мужа. Разумеется, А.В. Богданович не могла не понимать, что руками сестры толкает подругу на неприглядный поступок. В своем дневнике она прямо назвала «кражей» очень похожий эпизод с исчезновением документов со стола императора Вильгельма⁴. Однако собственные нужды заставляли забыть о щепетильности; в письме к Сувориной прозвучала обтекаемая формулировка «по-старайтесь получить».

Явный нажим («ради бога», «необходимо исполнить просьбу») побуждал Анну Ивановну к действию, а срочность дела (посыльному Павлу было приказано ожидать) не оставляла времени на размышления о моральной стороне вопроса. Удался ли план? Это весьма вероятно, несмотря на отсутствие ясных указаний в корреспонденции. В пользу этой гипотезы говорят сердечный тон следующего письма, дальнейшие обращения с личными просьбами, а также особое расположение хозяйки салона, которым А.И. Суворина пользовалась долгие годы. «Теперь в приеме мы делаем большие исключения, – писала А.В. Богданович после того, как ее муж перенес операцию, – но Вам, милая Анна Ивановна, двери наши откроют»⁵. Как видим, приятельские отношения создавали для А.В. Богданович возможность манипуляций и превращения знакомых в своего рода тайных сообщников. В салоне формировалась локальная сеть, связывавшая хозяев и их посетителей нитями делового партнерства⁶. Данная статья представляет собой попытку исследовать потенциал этой сети, в плане обмена информацией и услугами, получения протекции и финансовой выгоды.

Семейство Богдановичей не обладало внушительным состоянием, хотя генеральская пенсия Евгения Васильевича позволяла снимать достойное жилье⁷. Долгое время они принимали гостей в квартире на Морской улице, а затем переселились в особняк, выходивший окнами на Исаакиевский собор. Евгений Васильевич Богданович был значительно старше супруги. Он поступил на службу в 1843 году, а восемнадцать лет спустя был переведен в распоряжение министра внутренних дел и занялся общественной деятельностью⁸. Вероятно, он и был инициатором создания салона. Его жена быстро освоилась с ролью радушной хозяйки и с головой погрузилась в хлопоты. С годами ее роль становилась все более значимой; когда муж уезжал из столицы, гости продолжали собираться, как обычно. К началу XX века Евгений Васильевич заметно сдал. Он превратился в разбитого болезнями, почти слепого старика, нуждавшегося в постоянном уходе. Ему требовалась помощь, чтобы переодеться или принять ванну⁹. Александра Викторовна до конца дней сохраняла к

² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1152. Л. 1, 2. А.В. Богданович – А.И. Сувориной; РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 29, 48 об. А.В. Богданович – А.С. Суворину.

³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1152. Л. 1-10. Письма А.В. Богданович А.И. Сувориной, 1890-1900-е гг.

⁴ Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 89-90.

⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 1152. Л. 10. А.В. Богданович – А.И. Сувориной, 4 марта (1909 года).

⁶ Понятие «локальная (или индивидуальная) сеть» прочно вошло в обиход социальной истории. См: Hildermeier M. Russland oder Wie weit kam die Zivilgesellschaft? // Europäische Zivilgesellschaft in Ost und West: Begriff, Geschichte, Chancen. Frankfurt – New York, 2000. S. 116.

⁷ В одном из писем Е.В. Богданович указывал, что от размера его пансиона напрямую зависит вопрос найма жилья. См: РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 33.

⁸ Материалы для биографии Е.В. Богдановича ко дню его 80-летия (26 февраля 1909 г.) СПб., 1909. С. 3-5.

⁹ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С. 136-137.

нему подчеркнутое уважение: читала вслух газеты и письма, писала от руки или печатала на машинке ответы под диктовку, а в собственной корреспонденции называла его не иначе, как по имени и отчеству. Она пережила мужа на несколько месяцев: оба скончались в 1914 году.

Источники говорят о «завтраках» и «обедах» в доме Богдановичей. Завтраки считались открытыми: утро было обычным временем для светских визитов, и всякий посетитель приглашался к столу. В гостиной собиралось около двадцати человек¹⁰. Среди них были чиновники, военные, купцы, священники, а порой и простые рабочие. В отличие от завтраков, обеды проводились для избранной публики. Хозяева проявляли известную щепетильность в подборе гостей, учитывали их социальный статус и личные склонности. О положении лиц, составлявших круг приглашенных, можно судить по сохранившимся письмам. В одном из них говорилось: «сегодня обедают у нас – сенатор говорун, скромный обер-прокурор, мудрый коммерсант и один член Верховной Комиссии»¹¹. Хозяева не скупилась на угощение. Тексты письменных приглашений содержат немало примеров того, как Богдановичи пытались соблазнить своих знакомых ягненком, или «живой стерлядь в 1? аршина»¹². Непременным атрибутом застолий было красное и белое вино. Его подавали не только к обеду, но и к завтраку. Александра Викторовна знала в вине толк и время от времени угощала друзей редкими сортами.

Формально роль хозяина салона принадлежала мужу¹³. Евгений Васильевич по натуре был балагуром, умел увлечь гостей рассказом и живо интересовался их делами. Несмотря на слабое зрение, он сохранил известную подвижность, встречался со многими людьми, дважды в год ездил в Троице-Сергиеву лавру. Отношение к Евгению Васильевичу было двойственным: с одной стороны, его уважали за монархические убеждения, в искренности которых было бы сложно усомниться, а с другой – считали человеком хитрым, изворотливым, ищущим популярности. А.С. Суворин в своем дневнике охарактеризовал его как «удивительного плута и лицемера»¹⁴.

Об Александре Викторовне говорили иначе. Многие отмечали ее скромность. Эта полная женщина ординарной внешности не претендовала на восторженное внимание поклонников, не давала балов, и даже не ездила в театры¹⁵. Александра Викторовна держалась в тени мужа и выглядела послушной исполнительницей его воли. Товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский, по собственному признанию, «преклонялся» перед этой «святой женщиной», «удивительной по кротости и любви к ближнему», умевшей «согреть своей русской лаской и большого, и маленького человека»¹⁶. Магическое обаяние Александры Викторовны развеялось для них лишь после революции, когда был частично издан ее дневник. В мемуарах Джунковский оговорился, что после знакомства с дневником он разочаровался в своем кумире¹⁷. Возможно, перед В.Ф. Джунковским открылась склонность «святой женщины» к накапливанию разного рода пикантных и компрометирующих сведений. А.В. Богданович предстала не добродушной хозяйкой, чей кругозор ограничивался заботами о муже и его гостях, но самостоятельной фигурой, манипулятором, держащим в руках два ценнейших ресурса локальной сети: информацию и связи.

Визитной карточкой салона стала впечатляющая осведомленность о событиях в жизни двора и чиновного мира. Злободневные новости звучали здесь прежде, чем попасть в газеты. Более того, некоторые редакторы являлись сюда наводить справки.

¹⁰ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб, 2007. С. 138-139.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 28. Е.В. Богданович – Н.А. Ермакову, 21 марта 1880 г.

¹² РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 26; РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 28.

¹³ Мужское руководство салоном, считалось нетипичным для европейских стран, однако было распространено в России. См. подробнее: Simanowski R. Einleitung: Der Salon als dreifache Vermittlungsinstanz // Europa – ein Salon? Beitrage zur Internationalitaet des literaturischen Salons. Goettingen, 1999. S. 9-10.

¹⁴ Суворин А.С. Дневник. М., 1992. С. 125.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 34. А.В. Богданович – А.С. Суворину, 24 февраля б/г.

¹⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 172, 405.

¹⁷ Там же. С. 172.

В гостиной много говорили о текущих политических вопросах, оценивали видных чиновников. По выражению А.Н. Боханова, в салоне «формировалось то, что условно можно назвать светским общественным мнением»¹⁸. Речь заходила не только о профессиональных, но и о личных качествах. Так, хозяйка находила, что С.Ю. Витте похож на купца, что у К.П. Победоносцева мелкая душа, он завистлив, «в нем течет поповская кровь». От этих разговоров был только шаг до обсуждения интимной жизни. О ней говорили охотно, даже с азартом. На одном из обедов «считали, кто из мужей верен своей жене», и сошлись во мнении, что за исключением Александра III, Д.А. Толстого и И.Н. Дурново, «каждый в чем-либо грешен»¹⁹. Поскольку Александра Викторевна имела обыкновение указывать в дневнике источник информации, можно утверждать, что Богдановичи намеренно поддерживали контакты и с людьми невысокого ранга, даже прислугой, готовой сообщить о своих хозяевах пикантные подробности. Так, один из придворных пажей утверждал, что все великие князья «более или менее развратны», а камердинер герцога Лейтенбергского сообщал, что в их доме собакам готовят бисквиты и куриные котлеты, а дети герцога «едят на третий день то, что собаки не съели»²⁰.

Оперативная информация и обширные знакомства принесли семейству массу выгод. В ту пору, когда Богдановичи начали регулярно собирать гостей за своим обеденным столом, Евгений Васильевич состоял только в чине майора. Надежды карьерного роста он связывал с одним из своих знакомых, крупным чиновником министерства финансов Н.А. Ермаковым. Сознывая важность постоянных контактов с этим влиятельным лицом, Александра Викторевна неоднократно и настойчиво приглашала его в гости. «Мы знаем, что Вы всегда очень заняты и поэтому усердно просим Вас завтрашнее Ваше обеденное время подарить нам, – писала она, – приезжайте пожалуйста в 6 часов и примите к сведению, что наши знакомые всегда обедают у нас в сюртуках»²¹. Сюртук считался нарядом менее официальным, чем мундир; следовательно, предложение приехать «запросто в сюртуке», содержавшееся в нескольких письмах к Н.А. Ермакову, было призвано подчеркнуть раскованный, домашний характер встречи.

При поддержке Ермакова, Е.В. Богданович пошел в гору. Ему было обещано производство в полковники, вопрос казался уже решенным, но неожиданно дело застопорилось. Виной тому был сам майор: он рано поверил в успех и проговорился знакомым о грядущем повышении. Огласка повредила и ему, и его покровителю. Напуганный таким поворотом событий, Богданович каялся в опрометчивом поступке: «я разболтал и разумеется поставил себя в глупейшее положение. Ради Бога помогите, Николай Андреевич...». Он уверял Н.А. Ермакова, что впредь будет осторожнее и деликатнее: «Вы будете всегда мною довольны, я буду вести себя сдержанно, никому не буду доверяться, не буду надоедать Вам письмами, одним словом во всем исправлюсь, только употребите все возможное, чтобы в эту пятницу прошел доклад»²². Оплошность не удалось исправить с ходу: Богдановичу пришлось еще долго, по собственному определению, «выпрашивать» чин. В конечном счете, хлебосольные обеды и разговоры с высокопоставленными лицами, по-домашнему одевшимися в сюртуки, дали столь необходимый результат. Богданович был произведен в полковники, а впоследствии – и в генералы.

Салонные связи использовались также во благо знакомых и родственников. Богдановичи обращались к влиятельным гостям, чтобы выхлопотать награду чиновнику, пристроить в институт молодого человека, помочь в служебном деле старому

¹⁸ Богданович А.В. Указ. соч. С. 9. (А.Н. Боханов – автор предисловия к изданию). О понятиях «общество», «общественность», «общественное мнение» см: Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007. С. 5-7, 10-11.

¹⁹ Богданович А.В. Указ. соч. С. 83.

²⁰ Там же. С. 96, 137.

²¹ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 916. Л. 4. А.В. Богданович – Н.А. Ермакову, четверг, б/г.

²² РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 5 – 5 об. Е.В. Богданович – Н.А. Ермакову, вторник, б/г.

товарищу. Показательно, что Александра Викторовна с одинаковой энергией составляла протекцию черниговскому губернатору А.К. Анастасьеву и простой сестре милосердия²³. Что заставляло принимать участие в судьбах столь разных людей? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. В одних случаях хозяевами салона могли двигать филантропические побуждения, в других – практический расчет. Благодаря оказанным услугам, Богдановичи могли создавать и укреплять каналы коммуникации²⁴ с людьми, вовлеченными в орбиту их салона, а следовательно, наращивать потенциал своей локальной сети.

Успех в таком тонком деле, как протезирование, зависел от многих вещей: умения понять человека, выждать момент, подойти с нужной стороны. Большая практика научила хозяев салона всем этим премудростям. Когда А.С. Суворину потребовалось добиться расположения правителя канцелярии министерства внутренних дел С.С. Перфильева, Е.В. Богданович наставлял его: «У Степана Степановича Перфильева, есть дочка Варвара, 14 лет, завтра ее именины, она любит картины. На Вашем издании «Каин и Авель и Рай» сделайте надпись: «Варваре Степановне Перфильевой от издателя» и вручите подателю, – а завтра отправлю по назначению. Ручаюсь, что такая любезная проделка произведет хорошее впечатление на тятиньку»²⁵.

Как видно, Е.В. Богданович был большой мастер «любезных проделок»; ему неоднократно доводилось публично восхищаться детьми высокопоставленных знакомых и ездить «с конфетками к падчерице голубушке»²⁶. Он ловко подметил чадолюбивый характер С.С. Перфильева и предложил использовать эту слабость. В домашней обстановке, в кругу друзей, за рюмкой вина чиновники охотней шли навстречу просьбам. Таким образом, характерное для салона отсутствие выраженного разграничения между «частным» и «служебным» давало возможность конвертировать личные симпатии в практическую выгоду, и именно это обстоятельство делало салонное протезирование столь эффективным.

Впрочем, интерес для Богдановичей представляли не только правительственные чиновники. Их дом посещали разные люди, в том числе выходцы из низов: рабочие, крестьяне. Подобная демократичность объяснялась тем, что в начале XX века, а в особенности в годы первой русской революции, самодержавию пришлось более чем когда-либо прежде считаться с настроениями масс. Это обстоятельство побуждало прислушиваться к осведомленным людям, обладавшим широкой сетью социальных связей. Хозяева нескольких салонов Петербурга отправляли императору записки о состоянии умов и о насущных мерах. Среди авторов донесений был и Е.В. Богданович. Высказывая свои соображения Николаю II, он подчеркивал, что опирается на опыт «близкого общения» с русским народом²⁷.

Широкому читателю имя Е.В. Богдановича стало известно благодаря патриотическим брошюрам, которые печатались в десятках тысяч экземпляров и раздавались населению бесплатно. Эти издания явились своеобразным ответом антиправительственной агитации. В них прославлялась мудрость самодержцев и царелюбие «всех сословий государства и всех племен», тянущихся «к подножию Трона»²⁸. В образованном обществе ходили слухи, что Богданович издает свои брошюры на деньги, полученные от министерства внутренних дел, и даже наживается на этом, однако на деле приходилось изрядно потрудиться, чтобы получить от властей финансовую помощь, хотя бы частично покрывавшую издержки. Александра Викторовна оказала

²³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 58 об. – 59, 121.

²⁴ Определение «канала коммуникации» (communication channel) было дано в известной работе Дж. Бойсвейна. Этим термином обозначались связи, возникающие в рамках локальной сети между посредниками, патронами и клиентами (в нашем случае – между хозяевами салона, влиятельными чиновниками и искателями протекции). Boissevain J. Friends of friends: networks, manipulators and coalitions. Oxford, 1987. P. 158-159.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 87. Е.В. Богданович – А.С. Суворину.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 6.

²⁷ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Ед. хр. 588. Л. 4. Доклад Е.В. Богдановича Николаю II, 1 февраля 1905 г.

²⁸ Богданович Е.В. Трехсотлетие державному дому Романовых. 1613-1619. СПб., 1913. С. 143.

мужу неоценимую услугу, взяв на себя львиную долю организационных хлопот. Ее корреспонденция сохранила следы поиска новых финансовых источников. Александра Викторовна и напрямую, и через знакомых обращалась к крупным чиновникам и состоятельным лицам с предложением принять на себя часть расходов²⁹.

Многие книги Е.В. Богдановича печатались в двух форматах: дешевом, для народа, и дорогом, для поднесения официальным лицам. Повествуя о народной любви к самодержавию, автор не забывал упомянуть о собственном патриотизме и многолетней службе самодержавию³⁰. Сразу после выхода из типографии, все эти сочинения попадали во дворец, и побуждали к проявлению высочайшей милости. Так, за брошюру «К серебряной свадьбе царя и царицы», Е.В. Богданович получил личную благодарность Александра III и три тысячи рублей на распространение издания в народе, а за «картины» к десятилетию коронации император прислал две тысячи рублей³¹.

Ассигнованные суммы пришлось кстати, но еще большую цену имело само высочайшее внимание. Надо подчеркнуть, что род занятий Е.В. Богдановича побуждал щепетильно относиться к вопросам репутации. Если в русской, а тем более зарубежной периодике появлялись заметки о его религиозно-патриотических брошюрах и картинах, это способствовало их лучшему распространению, помогало найти спонсоров, наконец, привлекало общее внимание к салону. Все это заставляло искать влиятельные знакомства в мире журналистики, и Александра Викторовна продемонстрировала незаурядные способности на этой ниве. Она поддерживала тесные связи с редакторами столичных газет и мастерски обеспечивала столь нужные отклики на работы ее мужа. Так, чтобы склонить к сотрудничеству издателя газеты «Гражданин» князя В.П. Мещерского, она распространяла подписку на это издание, ежегодно добавляя газете несколько десятков подписчиков³². Желанными гостями салона стали многие известные журналисты, среди них – М.Н. Катков, Э.Э. Ухтомский, Л.А. Тихомиров.

На особом счету был А.С. Суворин. Источником, долгие годы питавшим интерес издателя «Нового времени» к семейству Богдановичей, служила приватная информация о планах правительственной политики и кадровых вопросах. Богдановичи делились с Сувориным не только рассказами, но и документами. Однажды издатель «Нового времени» получил записку, принадлежавшую перу И.Н. Дурново, в которой говорилось о предстоящих назначениях на должности; в другой раз – цитаты, представляющие К.П. Победоносцева религиозным мечтателем, в третий – отчет о мерах по борьбе с чумой. В единичных случаях на стол к Суворину попадали тексты, добытые незаконным способом. «Сей интересный документ Градоначальника графа Левашева, – сообщал Е.В. Богданович в сопроводительном письме, – в моем распоряжении только на один час, просмотрите эту контрабанду»³³. Стоит заметить, что Александра Викторовна проявляла большую осторожность, нежели ее супруг. Ее записки, переданные через посыльных, порой содержали оговорки «об этом пока еще нельзя печатать» и «это сообщение Вы получили не от меня»³⁴.

В общении с А.С. Сувориным Александре Викторовне пригодились ее женские чутье. Издатель «Нового времени» обладал непокладистым характером, и отношения время от времени переживали кризис. Хозяйка салона старалась по возможности избегать ссор и предпринимала попытки добиться своего обходными путями, – например, через жену Суворина. Чтобы умиротворить издателя «Нового времени», Александра Викторовна использовала свою козырную карту: тему женских слабостей. Она будто в шутку называла Суворина «несправедливым» или «злым», а себя – «из-

²⁹ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 916. Л. 7-8.

³⁰ Богданович Е.В. Стрелки императорской фамилии. Исторический очерк. СПб., 1899; Богданович Е.В. К серебряной свадьбе царя и царицы. 1866-1891. СПб., 1891. С. 11.

³¹ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 3-4 об. А.В. Богданович – А.С. Суворину, 1894 г.

³² РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 1-7 об. В.П. Мещерский – А.В. Богданович, 1909-1912 гг.

³³ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 63.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 67, 96, 108. А.В. Богданович – А.С. Суворину, б/д.

балованной женщиной», склонной к капризам³⁵. Более того, она могла сыграть на гендерных стереотипах и вернуть в письмо самоуничижительную фразу: «Вы некогда говорили мне в глаза, что я умная женщина, а теперь увидели меня в ином свете, т.е. душой» или «женщина не должна мешаться не в свое дело, вести переписку с умными людьми, которые ее не понимают»³⁶. Этот прием действовал почти безотказно. Он позволял уйти от незадавшегося делового общения и перевести корреспонденцию на рельсы личных отношений. Акцентируя внимание на чувствах и порывах, хозяйка салона напоминала, что издатель ведет переписку с женщиной, а следовательно, должен оставаться джентльменом.

Связи с журналистами приобретали особую цену во время юбилеев Е.В. Богдановича. Надо отметить, что повод для торжества давали не только годовщины генерала, но и знаменательные даты его служебной деятельности, такие, как 25-летнее членство в совете министра внутренних дел и 60-летие «общественной государственной службы». Для именинника было важно вывести юбилей за рамки личных торжеств и сделать их событием в жизни того общественного круга, центром которого был салон. Кроме того, акцент на его заслугах перед отечеством позволял рассчитывать на присутствие государственных деятелей самого высокого ранга. Юбилей проводился с большим размахом. В день 80-летия, в феврале 1909 года, Е.В. Богдановича посетило более 800 человек. Празднику предшествовала тщательная подготовка, была выпущена специальная брошюра, воспевавшая гражданские заслуги юбиляра³⁷. Шумные торжества сопровождались поздравлениями, подарками и наградами. В 1903 году, когда отмечалось 60-летие службы Е.В. Богдановича, он стал кавалером ордена Александра Невского. Подобные события имели для юбиляра двойную цену: удовлетворяли его честолюбие и свидетельствовали, что его деятельность санкционирована властями. «Не красные штаны нужны мне, а нужно мне аккредитование правительством», – подчеркивал он в ту пору, когда добивался производства в генералы, – «чтоб показать, что меня признают полезным чиновником, нужны факты»³⁸.

Помимо морального поощрения, торжества давали импульс к приросту благосостояния семейства. Так, в честь 80-летия Богдановича, император назначил ему пожизненно негласное пособие в размере двух тысяч рублей в год. А чтобы оплатить долги юбиляра, из казенных сумм было ассигновано одновременно двадцать тысяч рублей³⁹. Щедрость властей явилась лучшим показателем того, что Е.В. Богданович пользовался авторитетом, как один из старейших слуг царя и как знаток общественных настроений.

Можно констатировать, что долготелее партнерство супругов Богдановичей принесло свои плоды. Природная осмотрительность и здравый смысл побуждали Александру Викторовну не заслонять собою мужа, но действовать совместно с ним и от его имени. Локальная сеть, созданная в салоне, стала источником престижа и материального благополучия хозяев. Этот успех был обусловлен структурными изменениями в русской общественной жизни. На рубеже веков российские салоны стремительно менялись: расширялся состав посетителей, формировалась специализация. Городские элиты проявляли нарастающий интерес к политике, верховная власть не могла игнорировать их голос. Самодержавие нуждалось в информаторах, способных конфиденциальными путями поставлять сведения о настроениях масс. Салон Богдановичей, располагавшийся на перекресте информационных потоков и являвшийся одним из центров кристаллизации общественного мнения, представлял для него несомненный интерес.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 416. Л. 3, 51-51 об.

³⁶ Там же. Л. 7-8.

³⁷ Материалы для биографии Е.В.Богдановича ко дню его 80-летия (26 февраля 1909 г.). СПб., 1909.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2555. Оп. 1. Ед. хр. 915. Л. 14, 20. Е.В. Богданович – Н.А. Ермакову, б/д.

³⁹ Стогов Д.И. Указ. соч. С. 143-144.

A. V. BOGDANOVICH AND HER SALON

M. M. LEONOV

*Samara Municipal Institute
of Management*

e-mail: mmleonov@gmail.com

The paper discusses the adaptation of Russian noble salon in new political climate after the Great Reforms. A.V. Bogdanovich`s salon eliminated social barriers and became both – the place for common leisure of the administrative elite and center of crystallization of public opinion.

Key words: salon, nobility, patronage, power, public opinion.